

ГОЛОДНЫЕ ПРИЗРАКИ: ЦАРСТВО НАРКОЗАВИСИМОСТИ

А Кассий тощ, и алчен
его взгляд.

Уильям Шекспир. Юлий Цезарь

Мандала, буддийское колесо жизни, отображает шесть царств. Каждое царство населяют существа, символизирующие определенные сферы бытия, образа жизни, что мы ведем. В царстве животных человеком движет инстинкт самосохранения и такие базовые желания, как голод и половое влечение, — то, что Фрейд назвал «Ид». Обитатели царства ада застряли в состоянии невыносимой ярости и страстей. В царстве богов мы воспаряем над своими проблемами и Эго благодаря приобретенному чувственному, эстетическому или религиозному опыту, но лишь на время, поскольку забываем о духовной истине. Даже столь завидное состояние окрашено утратой и страданием.

Обитатели царства голодных призраков изображаются в виде существ с тонкой шеей, маленьким ртом, истощенными ко-

нечностями, а также огромным раздутым и пустым животом. Это сфера пристрастий, где мы постоянно ищем что-то новое, лишь бы обуздать неутолимую тягу испытать облегчение или чувство удовлетворения. Эта ноющая пустота вечна, поскольку те вещества, объекты и занятия, которые, как мы надеемся, принесут успокоение, отличаются от того, что нам нужно в действительности. Мы не знаем, что нам нужно, и до тех пор, пока мы пребываем в состоянии голодного призрака, нам этого не понять. Мы проживаем свою жизнь, лишь отчасти присутствуя в настоящем моменте.

Некоторые люди проводят большую часть своей жизни в одном из таких царств. А многие из нас перемещаются между разными, если не всеми, царствами даже в пределах одного дня.

Моя работа врача, связанная с оказанием помощи наркозависимым в одном из районов Ванкувера, Даунтаун-Истсайд, предоставила мне уникальную возможность познакомиться с людьми, которые большую часть своего времени живут подобно голодным призракам. Я считаю, что таким образом они пытаются спастись от царства ада — мира всепоглощающего страха, ярости и отчаяния. Мучительная жажда в их сердцах отображает своеобразную пустоту, которую могут испытывать и люди, казалось бы, с более счастливой жизнью. Те, кого мы называем наркоманами, — это не существа из другого мира, а всего лишь мужчины и женщины, погрязшие на противоположном конце континуума, где вполне может оказаться каждый из нас. Я знаю это по собственному опыту. «Ты крадешься по жизни, бросая по сторонам голодный взгляд», — как-то раз сказал мне один

близкий человек. Сталкиваясь с пагубными пристрастиями пациентов, мне пришлось столкнуться и со своими собственными.

Ни одно общество не способно понять себя, не увидев свою темную сторону. Я считаю, что существует единый механизм формирования зависимости, неважно, как именно он проявляется: в зависимости от употребления смертоносных веществ среди моих пациентов с Даунтаун-Истсайд; в отчаянных попытках самоуспокоения людей с перееданием или шопоголиков; в одержимости игроманов, сексоголиков и интернет-зависимых или в социально приемлемом поведении трудоголиков, которым даже восхищаются. Зачастую наркозависимых игнорируют и считают, будто они не достойны ни сочувствия, ни уважения. Я рассказываю истории жизни этих людей по двум причинам: дать им возможность высказаться, чтобы их голос был услышан, а также пролить свет на первопричины и природу их злополучной борьбы со страданиями путем злоупотребления наркотическими веществами. У них есть много общего с тем самым обществом, которое подвергает их остракизму. Даже если кажется, что они выбрали путь в никуда, мы все равно можем многому у них поучиться. В темном зеркале их жизни мы можем увидеть очертания своей собственной.

Нам предстоит изучить целый ряд вопросов, среди которых:

- ✓ Каковы причины зависимости?
- ✓ Какова природа личности, склонной к зависимости?

- ✓ Какие физиологические изменения происходят в мозге зависимых людей?
- ✓ Какой выбор в действительности есть у зависимого человека?
- ✓ Почему кампания войны с наркотиками провалилась и что представляет собой гуманный, научно обоснованный подход к лечению тяжелой формы наркозависимости?
- ✓ Какие пути спасения существуют для разума, зависимого не от сильнодействующих веществ, а именно: как мы подходим к исцелению многочисленных поведенческих зависимостей, поддерживаемых нашей культурой?

В основе повествовательных отрывков этой книги лежит мой опыт работы врачом с наркозависимыми в вандуверском гетто и многочисленные беседы с пациентами (их гораздо больше, чем удалось привести в тексте). Многие из них сами изъявили желание, великодушно предложив помощь в надежде на то, что их жизненный опыт окажется полезным для других людей, ведущих борьбу с зависимостью, либо просветит общество относительно того, что значит испытывать зависимость. Я также привожу информацию, размышления и идеи, взятые из многих других источников, включая мои собственные аддиктивные модели поведения. В завершение я обобщаю известные нам из научной литературы данные о зависимости, развитии человеческого мозга и личности.

Хотя в заключительных главах приводятся идеи и рекомендации касательно исцеления зависимого разума, данная

книга не является руководством. Я могу лишь рассказать о том, чему я научился как человек, и дать описание тому, что видел и осознал как врач. Не у каждой истории есть счастливый конец, как увидит читатель, однако научные открытия, учения сердца и откровения души однозначно убеждают нас в том, что любой человек способен исправиться. Покуда есть жизнь, есть шанс на возрождение. Как стимулировать эту способность в себе самом и в окружающих — в этом и заключается главный вопрос.

Я посвящаю эту работу всем своим собратям — голодным призракам, будь то уличные бездомные с ВИЧ, осужденные в тюрьмах или их более удачливые противоположности по ту сторону решетки, у которых есть дом, семья, работа и успешная карьера. Нам всем необходим покой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОЕЗД,
НЕСУЩИЙСЯ В АД

Что на самом деле побуждало меня
употреблять опиум?

Страдания, полная опустошенность,
непреходящая тьма.

Томас де Квинси.

Исповедь англичанина, употреблявшего опиум

ГЛАВА 1

ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ ЕМУ ДОМ

Через решетчатую металлическую дверь я выхожу на солнечный свет, и передо мной будто всплывает сцена из фильма Феллини. Сцена одновременно знакомая и необычная, подлинная и фантастическая.

На обочине Хастингс-стрит темноволосая женщина с оливковым цветом кожи, — Ева, которая в свои тридцать лет больше похожа на беспризорного ребенка, — исполняет причудливое кокаиновое фламенко. И так и эдак она крутит своим телом, двигает бедрами и тазом, в какой-то момент она, сгибаясь в талии и поочередно делая выпады обеими руками в воздух, переставляет ноги, делая неуклюжий, но согласованный пируэт. Все это время она наблюдает за мной своими огромными черными глазами.

В Даунтаун-Истсайд такой импровизированный, подпитываемый крэком балет известен под названием гастингс-шаффтл. Привычная картина в этих краях. Однажды во время медицинского обхода в этом районе я заметил

девушку, которая исполняла его, забравшись высоко над оживленной дорогой Хастингс-стрит. Она балансировала на узкой кромке неоновой вывески на высоте в два этажа. Вокруг собралась толпа наблюдателей, среди них были и наркоманы, которые выглядели скорее удивленными, нежели испуганными. Танцовщица то поворачивалась кругом, удерживая руки в горизонтальном положении, словно канатоходец, то делала глубокие приседания, будто исполняя в воздухе казачий танец с выбросом ноги вперед. Прежде чем пожарная лестница дотянулась до высоты ее полета, одурманенная акробатка нырнула обратно в окно.

Ева идет, петляя среди своих приятелей, столпившихся вокруг меня. Иногда она прячется за Рэндаллом — коренастым и очень серьезным парнем, который прикован к инвалидной коляске. Его нестандартный образ мышления не скрывает глубокого интеллекта. Он зачитывает аутистическую оду похвалы своей незаменимой моторной колеснице.

— Док, разве не поразительно, что наполеоновские пушки в Россию переправляли по грязи и снегу при помощи быков и лошадей. А теперь у меня есть эта штука! — с невинной улыбкой и серьезным голосом Рэндалл изливает рекурсивный поток фактов, исторических данных, воспоминаний, толкований, свободных ассоциаций, фантазий и параноидальных мыслей, которые звучат почти разумно, но только на первый взгляд.

— Док, это Кодекс Наполеона изменил транспортные средства низших чинов и рядовых, ну знаете, в то время, когда такой приятный шведский стук был все еще понятен.

Ева, играя в прятки, выглядывает из-за левого плеча Рэндалла.

Неподалеку от Рэндалла стоит Арлин, с укоризненным взглядом, уперев руки в бока. На ней короткие джинсовые шорты и блузка, — здесь это признак того, каким способом зарабатываются деньги на наркотики, а чаще всего признак сексуальной эксплуатации в раннем возрасте со стороны мужчин-насильников. Среди непрерывного бормотания Рэндалла раздается жалоба Арлин:

— Не надо было снижать дозировку моих таблеток.

Руки Арлин покрывают десятки горизонтальных шрамов, расположенных параллельно друг другу, словно железнодорожные шпалы. Старые — белого цвета, новые — красного. Каждый шрам — памятный след от лезвия бритвы, который она себе нанесла. Боль от нанесенных самому себе порезов унимает, хотя бы на мгновение, боль от более серьезной и глубокой душевной раны. Один из препаратов, которые принимает Арлин, контролирует такое компульсивное самоповреждение, и она всегда боится, что я уменьшу его дозу. Но я никогда этого не делаю.

Рядом с нами, в тени отеля *Portland*, двое полицейских держат в наручниках Дженкинса. Пока один из офицеров встряхивает содержимое его карманов, Дженкинс, долговязый коренной житель с ниспадающими с плеч черными растрепанными волосами, тихо и послушно стоит. Он прислонился к стене, не демонстрируя даже намека на недовольство.